

ОЛЕГ ЛУКОШИН

Безобразные девочки снова в моде

Олег Лукошин

**Безобразные
девочки снова в моде**

«Издательские решения»

Лукошин О.

Безобразные девочки снова в моде / О. Лукошин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903055-9

В книге представлены девятнадцать рассказов, многие из которых публиковались ранее в литературных журналах и периодической печати. Лукошин будоражит и умиротворяет, провоцирует и успокаивает, терзает и ласкает. Страшная и очаровательная книга...

ISBN 978-5-44-903055-9

© Лукошин О.
© Издательские решения

Содержание

Оплот апартеида	6
Безобразные девочки снова в моде	10
История неудачника (им мог бы стать и ты)	20
Женщина тысячи мужчин	25
Помню тебя, Сейфуль-Мулюков!	28
Сомнение	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Безобразные девочки снова в моде

Олег Лукошин

© Олег Лукошин, 2018

ISBN 978-5-4490-3055-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оплот апартеида

Все пацаны нашего дома рано или поздно начинали бить своих отцов. Получив изрядную долю пьяных кулаков и ремней в детские годы, на пороге отрочества они чувствовали в себе силы на ответные действия. Робко поначалу, боязливо, они осваивали нехитрые премудрости мордобоя. Первый опыт никогда не оказывался последним: протрезвевший папашка вспоминал о нанесённой ему обиде и кулаками восстанавливал пошатнувшийся авторитет. Чтобы в следующую пьянку получить от сына ответные удары, более отчаянные, чем предыдущие. Трезвых отцов били редко: они могли ответить как следует, а кроме всего прочего в душе начинали шевелиться коварные идеалы гуманизма – всё ж таки он твой отец, всё ж таки надо уважать его. Уважение длилось лишь до первой опохмелки – покрытый отборным отцовским матом сын не выдерживал и лупил родителя по морде. Матери визжали и пытались оттащить детей. Но не особо усердствовали – они понимали, что отцы заслуживали этого.

Единственным, кто не бил отца, был я. По той простой причине, что отца у меня не было. Мы жили вдвоём с матерью. Счастливым ребёнком я себя не считал, потому что мать моя воплощала в себе и отсутствующую мужскую половину – лупила меня дай бог, и матери я конечно же не отвечал. Но лет в четырнадцать перестала – потому что не могла больше со мной справиться. Пацаны завидовали мне:

– Тебе, Колян, лафа. Тишина, покой. С отцом возиться не надо.

– Да где лафа? – возражал я. – Мне и мать нервов портит достаточно.

– Ну, мать – это не то. Она пожалеет хоть. А вот отец...

Я молча им сочувствовал, но в глубине души завидовал безмерно – мне тоже хотелось избить своего отца до полусмерти. Увы, этой радости я был лишён.

Был ещё один парень, который разделял мои проблемы, – мой лучший друг Валерка. Он понимал меня, потому что тоже почти не бил своего отца. Ситуация была иная – отец у него имелся, но бить его он не мог по причине огромного телосложения своего батяни. Отец его, Серёга Мухин, был мужиком двухметрового роста и весил не меньше центнера, а то и больше. Ширина его плеч составляла, как минимум, полтора метра, кулачищи походили на гири, а коротко стриженная голова с щёлочками глаз внушала искренний трепет. Серёгу Мухина боялись все. Стул, пятидесятилетний алкаш-острослов из третьего подъезда, придумал ему ёмкое и очень точно отражающее его сущность погоняло – Оплот апартеида.

Мухину-отцу кличка не нравилась, он просто зверел, слыша её, а вот сын называл его только так и не иначе. Оплот апартеида. Или просто – Оплот.

Пил Оплот меньше, чем остальные и по меркам нашего двора считался вполне приличным мужиком. У него был автомобиль, огород с домом, довольно сносная зарплата, да и сам он держался солиднее, чем наша дворовая голь. Но Валерке от этого легче не было: Оплот был мужиком без тормозов и бил его по малейшему поводу. Мать даже не пыталась заступаться за сына.

Валерка не терял надежды избить своего отца. Разные планы приходили ему в голову, и однажды, когда нам было лет по семнадцать и какая-никакая сила ощущалась уже в кулаках, он предложил грохнуть отца всем двором.

Предложение было интересное, и поначалу пацаны восприняли его с энтузиазмом. Но, пораскинув мозгами, стали вдруг отказываться. Валерка горячился, размахивал руками, доказывал что-то, но ряды его сторонников неумолимо редели. В конце концов, лишь двое, Паша и Димон, согласились принять участие в акции.

Моя кандидатура поначалу не обсуждалась – из-за моей неопытности. Но на безрыбье и рак щука, и, ввиду малочисленности своего отряда, Валерка обратил взгляд и в мою сторону.

– Ну чё, Коль, – кивнул он мне, – примешь участие?

Я не раздумывал ни секунды.

– Конечно!

– Ну и отлично, – сказал Валерка. – Вчетвером – это нормально. Вчетвером мы его сделаем. Надо только момент выбрать.

Момент вскоре настал.

– Готов? – зашёл ко мне как-то вечером Валерка.

– Сегодня хочешь?

– Да, сегодня – лучше всего. Оплот пьяненький, у подъезда сидит – за гаражи отведём да грохнем.

Собрав всю бригаду, он осмотрел нас критически. Что-то ему не нравилось.

– Нет, – поморщился он, – на кулачках мы его не возьмём. Надо дубины искать.

– До стройки пройдемся? – предложил Димон. – Там монтировок полно.

– Нет, – опять поморщился Валерка. – Железом не будем. Надо дерево. Жалко его всё же убивать...

Мы пошли в перелесок и наломали там четыре дына. Расположившись за гаражами, стали наблюдать за домом. Оплот сидел у подъезда, грыз семечки, добродушно переругивался с проходившими мимо соседями и пребывал в самом жизнерадостном расположении, что с ним случалось крайне редко.

– Это хорошо, что он такой весёлый, – сказал Валерка, – не ожидает удара. Расслабился, разомлел – таким его легче взять. Вот только как его за гаражи выманить?

Несколько критических минут мы обсуждали эту проблему. Варианты приходили разные, но все сошлись на том, что кто-то должен вызвать его на разговор. Осуществить это оказалось трудно – подходить к Оплоту никто не хотел. Время шло, а мы ни на что не решались.

– Ладно, – сказал я наконец, – я сделаю это.

– Сделаешь? – посмотрели все на меня недоверчиво. – Сможешь?

– Просто позову его за гаражи, и всё.

– А если не пойдёт?

– Неужели он струсит?

– Он не струсит, просто ты для него не раздражитель.

Я задумался.

– Ну тогда обзову его как-нибудь.

– Точно, – закивал Валерка, – так лучше. Такие вещи он не прощает, обязательно среагирует. Двигай.

На дрожащих, негнущихся ногах я зашагал от гаража к скамейке. Вечер клонился к закату, усталые люди шли по тротуарам, откуда-то доносилась музыка.

– Эй, Оплот! – подошёл я к подъезду. – Пойдём-ка за гараж, базар есть.

Мухин опешил. На какое-то мгновение даже растерялся – лицо его выразило крайнюю степень изумления, но тут же сжалось в неподвижную каменную массу.

– Чё? – спросил он.

Я облизал пересохшие губы.

– Ребята ждут, поговорить надо.

– Какие ребята?

Меня буквально трясло. Я, однако, бодрился.

– Очкуешь что ли? – выдавил я из себя и тут же испугался сказанного. Глаза Мухина-старшего мгновенно налились кровью.

Он опустил голову, усмехнулся. Я стоял и дрожал. Несколько мгновений ничего не происходило. Вдруг он вскочил и, вытянув руку, метнулся ко мне, пытаясь ухватить меня своей лапицей за горло. Я увернулся и побежал к гаражам. Оплот не отставал. За гаражами парни встретили его дрынами.

Почти сразу нам удалось сбить его с ног – это был большой успех. Драться с ним стоячим нам бы не удалось, даже с дубинами. Парни отчаянно прикладывали дрыны к его голове, и Оплот, шокированный таким развитием событий, выглядел воистину жалко: он закрывался руками, и глаза его выражали дикое недоумение.

– На тебе, сука! – орал Валерка. – Получи благодарность!

В суете я не смог найти свой дрын, который оставил у стенки гаража, и потому действовал одними ногами. Мне досталась нижняя половина двухметрового апартеидовского тела, и я с остервенелым воодушевлением пинал его по бокам.

Оплот сдавал. Он хрипел, брызгал кровавой слюной, а взгляд его терял цепкость и осмысленность. Наконец он прекратил сопротивление, опустил руки и откинулся на землю.

– Стоп! – остановил всех Валерка. – Хватит.

Мы прекратили бить его и, пятась, стали отступать. Оплот не шевелился.

– Убили что ли? – испуганно оглядел всех Паша.

– Не, – ответил Валерка. – Ни хрена ему не будет.

Оплот тут же подтвердил его слова. Он открыл глаза, приподнял голову и, глядя на нас, выдавил:

– Убью. Всех поодиночке.

Мы бросились врассыпную. На пустыре за стройкой собрались и, нервно закурив, стали вспоминать произошедшее.

– Ничё, ничё, – сдавленно посмеивался Валерка. – Хорошо пошло. Пусть теперь знает, что почём.

Мы тоже смеялись, но в душ н могли согласиться с ним. Угроза Оплота была нешуточной.

Первой его жертвой стал я. Два дня спустя злой как чёрт Мухин-старший, в синяках и пластыре, подловил меня в подъезде. Я не дошёл полпролёта до квартиры.

Встреча была недолгой. Он врезал мне, я упал. Подмяв меня коленками, он принялся выбивать из меня дурь, целенаправленно, по-боксёрски, как-то лениво даже опуская кулаки на мою горемычную физиономию. Я потерял сознание.

Очнулся оттого, что меня отчаянно трясли. Мать вместе с соседкой тётей Шурой, ахая и охая, приводила меня в чувство. Мать плакала. Я же плавал в луже крови.

Им как-то удалось перенести меня в квартиру, смыть кровь, перебинтовать. Мать хотела вызывать «скорую», но я её остановил.

Как потом выяснилось, я пострадал меньше всех. Всего лишь вывернутый набок нос и несколько выбитых зубов. Нос я вправил самостоятельно и вроде бы удачно – он почти встал на прежнее место. Паше с Димоном досталось больше – обоих отвезли в больницу. Лишь Валерка, инициатор нашей бойни, успел схорониться. Жил где-то в подполье, у каких-то друзей на другом конце города.

Мать всё время, пока я выздоравливал, вопила и передавала мне тревожные новости с улицы. Оплот якобы грозился сделать меня ещё раз, так как, дескать, он меня пожалел, но теперь сознаёт свою ошибку. Как ни странно, я воспринимал всё это довольно спокойно. Мне не верилось, что Оплот станет бить меня во второй раз.

Так оно и произошло – бить меня он больше не стал. Я вообще его ни разу не видел после этого, так как вскоре уехал. Мать, едва дела мои пошли на поправку, устроила меня на работу. Помощником лесоруба. Уговорила какого-то старого знакомого взять меня. Работать предстояло в соседней области. Я не сопротивлялся.

В день отъезда, на вокзале, меня нашёл Валерка. Мать, бывшая тут же, встрепелась, но прощанию нашему помешать не смогла.

– Как ты? – спросил он меня.

– Ничего, – ответил я. – Морда зажила, работать вот еду.

– Жаль, – сказал он.

– Почему?

– Надо же отомстить папашке!

– Не, я уже не мститель.

– Жаль. А я новую банду думаю собрать. Человек десять – двенадцать. Монтажки возьмём на этот раз. Убьём так убьём – мне терять нечего.

– Ну, успехов.

Дали зелёный свет. Проводница закрывала дверь, мать тянула меня к вагону. Я вскочил на подножку.

– Давай, Валер! – помахал другу. – Удачи тебе!

– Тебе удачи! – помахал он мне в ответ. – Возвращайся только миллионером. А Оплоту мы ещё покажем кузькину мать.

Проводница закрыла дверь, я прошёл на своё место. Мать с Валеркой всё ещё махали мне. Скрылись из вида вскоре. Я взял постель и стал укладываться.

Назад я уже никогда не вернулся.

Безобразные девочки снова в моде

– Мария Сергеевна? – спросил я.

Дверь приоткрылась шире, и в проёме показалось обеспокоенное женское лицо.

– Да, – испуганно подтвердила она. – Чего хотели?

Я постарался всем своим видом изобразить добродушие и благие намерения.

– Вы на квартиру не пускаете?

Женщина была удивлена.

– На квартиру?.. – переспросила она.

Ей было лет тридцать пять, может больше. В глазах ещё читалась не до конца ушедшая молодость. Отголоски симпатичности значились на лице. Но в целом вид её был поношенным.

– Даже не знаю... – растерянно смотрела она на меня. – У нас и места-то особенно нет.

– Да мне много места и не надо. Я на работе всё время буду. Было бы где голову приложить.

Женщина пребывала в нерешительности.

– Да и дочери у меня... Беспокоить вас наверное будут.

– Я не привередливый, – улыбнулся я. – Угол найдётся – и хорошо. Да и вам дополнительные деньги.

Похоже, этот аргумент оказался решающим. По лицу Марии Сергеевны я понял, что она склоняется к положительному решению.

– Я ведь не знаю, сколько сейчас берут, – сказала она, пытаясь отыскать какие-то последние доводы для отказа.

Но я чувствовал, что инициатива на моей стороне.

– Пятьсот рублей нормально будет? – спросил я.

– Пятьсот... – повторила она.

Пятьсот было нормально, я это знал наверняка. Здесь брали и меньше.

– Ну ладно, – чуть подумав, кивнула она. – Человек вы вроде приличный, можно вас пустить.

Согласие своё она подтвердила корявой улыбкой.

Дом, в котором жила Мария Сергеевна, располагался на краю посёлка. Был он тёмным, ветхим и слегка покосившимся. Шифер на крыше отсутствовал как минимум наполовину, отчего казалось, будто её обстреляли картечью. Наличники на окнах прогнили, а вместо пары стёкол в окнах значились прямоугольные куски фанеры. Труба имела уклон градусов в тридцать.

Внутри дом оказался не лучше.

– Осторожнее вот здесь, – вела меня хозяйка. – Тут половица проваливается.

Я шёл за ней на ощупь. Было темно, вокруг висели верёвки с бельём, тяжёлый запах бил в ноздри.

– Вас как звать-то?

Мария Сергеевна открыла какую-то дверь, видимо в зал, потому что за ней моему взору открылась комната со столом, железной кроватью и старой радиолой в углу. Половину комнаты занимала печь.

– Алексеем, – отозвался я.

– Алёша, значит... Нравится мне имя Алёша. На заводе работать будете?

– Да, устраиваюсь вот.

– Берут?

– Берут. Медкомиссию только пройти. В течение недели выйду.

– Сейчас вообще-то всех берут. Дела на заводе идут неважно. Зарплаты маленькие.

– Ну, какие уж есть! – отозвался я. – Главное, чтоб платили.

Из вещей у меня была лишь небольшая сумка. Я поставил её у порога.

– Я вас в соседней комнате поселю, – сказала Мария Сергеевна. – Пойдёмте, посмотрим.

– Там дочери, – добавила она торопливо. – Вы не пугайтесь, они безобразные.

Я не успел открыть рот для вопроса. Мария Сергеевна толкнула дверь, и мы вошли внутрь.

На полу, в центре комнаты, сидели две девочки лет семи-восьми в одинаковых, застиранных чуть ли не до дыр синеватых сарафанчиках. Тут же валялись несколько кукол с отсутствующими конечностями. Девочки расчёсывали им оставшиеся волосы.

Предупреждённый хозяйкой, я ожидал увидеть в них что-то вопиющее, ужасное, но в первое мгновение не заметил ничего странного. Лишь когда девочки повернулись и испуганно-удивлённо посмотрели на меня, я заметил на их лицах пятна.

Я, однако, сумел не подать вида.

– Привет, девчонки! – кивнул я им весело. – Как дела?

Девочки дико засмущались, опустили головы и, не издав ни звука, продолжили тереть своих инвалидных кукол.

– Это дядя Алёша, – сказала им Мария Сергеевна. – Он будет жить у нас.

Девочки безмолвствовали.

– Это Лена, – показала хозяйка на одну из них. – А это Марина, – на другую. —

Погодки они у меня. Лена во втором классе, а Марина в первом.

Я стал устраиваться. Девочек хозяйка из комнаты выпроводила и объясняла мне теперь нехитрые тонкости здешнего быта.

– Туалет во дворе, покажу ещё. Умывальник на кухне, возле печи. Отдельной комнаты я тебе предоставить не могу, – она перешла со мной на «ты», – здесь и девчонки ночевать будут. Ты здесь, а они на той кровати. Они вместе спят.

– А откуда это у них? – поинтересовался я, имея в виду пятна на лицах. – Болезнь какая?

– Нет, ожоги, – ответила Мария Сергеевна. – Мы горели два года назад. Жили тогда не здесь, на другом конце, дом хороший был. И сгорел как-то за ночь. Муж погиб у меня, а девчонок вытащили. Я тогда обходчицей работала, в ночную смену была.

– Короткое замыкание?

– Да какое замыкание! Заснул с сигаретой муженёк мой, да и всё. Пьяный был наверное. Я пытался выражением лица изобразить сочувствие. Но хозяйка в нём не нуждалась.

– Ну и хрен с ним! – весело сказала она мне. – Я его всё равно не любила.

Весёлость, однако, была тягостной.

– Девчонок вот только жалко, – добавила она. – Вся жизнь у них насмарку. На улицу боятся выйти. В школу еле-еле. Каждый день – в слезах. Дразнят их там. Я уж позволяю через день ходить. Ты на них внимания не обращай, они у меня забытые. Да глупые конечно. Младшая – совсем дура. Ссытся до сих пор.

Я лишь безмолвно кивал.

Дело шло к ночи. Хотелось есть. Попроситься на ужин к хозяйке я не рискнул – да они, похоже, поели до меня. У меня в сумке оставалось пол пачки печений, купленных ещё на вокзале в Самаре. Я быстренько умял их, разделся и лёг.

Спустя какое-то время в комнату пришла Мария Сергеевна.

– Здесь буду спать, – сказала она, застывая вторую кровать, что стояла в противоположном углу. – Боятся тебя девчонки. Как ни уговаривала, не хотят сюда идти. Ладно, пусть в зале.

Я отвернулся к стене, чтобы не смущать хозяйку. Она, открыв дверцу платяного шкафа, повозилась за ней, видимо переодеваясь, а потом улеглась.

– Не привыкла я на этой кровати... – бормотнула она, ворочаясь.

Я же был привыкшим ко всему. Вся жизнь прошла на квартирах и в переездах. Условия, в которых я оказался здесь, были далеко не самые худшие.

Через десять минут я уже спал безмятежным и крепким сном.

Следующим днём была суббота. Я на всякий случай сходил в заводскую поликлинику, но медкомиссию не прошёл. Выходной.

Объявление о наборе людей на местный завод я прочёл в бюро по трудоустройству одного из городков соседней области. Я тогда два месяца шабашил на одного сельского предпринимателя. Строили магазин. Деньги хозяин платил хорошие, но бригада наша оказалась состоящей сплошь из синяков-бухариков. Я этим делом никогда особо не увлекался, но оказавшись в соответствующей среде, как-то размяк, поддался влиянию и потихоньку пропил почти весь свой заработок. Способствовало этому и то, что хозяин щедро давал авансы. Мы тогда его за это хвалили, а сейчас я понимал, что делал он это зря.

Я позвонил на завод, поговорил с кем-то из отдела кадров, мне сказали приезжай, возьмём. Обещали устроить токарем. Причём их не смутило то, что соответствующей специальностью я не владел. Обучение на месте, заверили меня.

В дороге я сильно сомневался – не обломаться бы. К счастью никаких обломов не произошло. Видимо дела на заводе шли так плохо, что руководство было радо любому желающему. Заявление моё тут же подписали, трудовую книжку – с единственной записью «сторож», которым я пребывал в течение двух месяцев в каком-то детском саду – забрали. Оставалось пройти медкомиссию.

Пройти я её мог не раньше понедельника.

Целых два дня делать было совершенно нечего. Я прошёлся по посёлку. Был он небольшим и грязным. В основном состоял из частных домов. Лишь несколько кирпичных зданий, почему-то четырёхэтажных, сгруппировались с краю.

Бесцельно побродив по посёлку пару часов и исходив его вдоль и поперёк, я решил возвращаться на хату. Внутренний голос подсказывал, что с пустыми руками появляться нельзя.

Я зашёл в магазин и купил бутылку водки, коробку конфет и два мороженных. У дверей дома встретилась хозяйка. Она тоже возвращалась откуда-то.

– В магазин ходили? – спросил я её, помогая внести объёмистую сумку.

– Да, зашла, – кивнула она. – А так-то с работы иду.

– Вы где работаете?

– Торгую. На вокзале.

– На хозяйина? Или сами?

– Сама, сама. Дай бог, сама пока. Мелочь всякая: тапки, трико, носки.

– Хорошо идут?

– Так себе. Еле-еле на жизнь хватает.

Мы вошли в дом.

– Мария Сергеевна! – сказал я, доставая бутылку. – Я вот тут подумал, что нам как-то отметить надо наше знакомство.

Реакция хозяйки оказалась в высшей степени положительной.

– А-а-а! – широко улыбнулась она. – Бутылочку заныкал... Ну правильно, надо отметить.

Она загремела на кухне посудой, собирая стол. Я зашёл в соседнюю комнату.

Лена с Мариной, сидя на кровати, играли в какую-то малопонятную игру, хватая друг друга за руки.

– Привет! – кивнул я им.

Увидев меня, они тут же стушевались. Я заметил, что они боятся смотреть мне в глаза и отводят лица в сторону.

– Какие оценки сегодня получили? – спросил я, заметив валявшиеся у стены портфели.

– Никакие, – ответила после долгой паузы старшая, Лена. Она на мгновение взглянула на меня, но тут же опустила глаза. – Сегодня меня не спрашивали.

– А Марину? – посмотрел я на младшую.

От моего вопроса девочка так засмушалась, что покраснела и заёрзала на месте. Не сказав ни слова, она лишь отрицательно затрясла головой.

– Ну и замечательно, – сказал я. – Я тоже не любил, когда меня к доске вызывали. Вот, угощайтесь, – я протянул им скрываемые за спиной упаковки с мороженым.

Упаковки были яркие, да и мороженое хорошее – эскимо. Девчонки, в каком-то странном ошолоблении смотрели на них и не решались взять.

– Берите, берите, – приободрил я их. – Это вам.

Стремительно, словно воры, они выхватили мороженое из моих рук.

– Коричневое! – выдохнула удивлённо Марина. – Я такое никогда не ела.

– Надо же когда-то начинать, – улыбнулся я.

– Зря ты их балуешь, – донёсся до меня голос хозяйки. – Они этого не заслужили.

Очень странно чувствовал я себя рядом с ними. Смотреть на их лица было тяжело – безобразные пятна отталкивали, смущали, но ещё больше смущала их реакция. Я словно пытался подружиться с лесными волчатами. Всё так же не глядя на меня, молча, они ели мороженое и ждали, когда я уйду.

– Ну ладно, – сказал я и неожиданно для себя потрепал их по головам. – Не скучайте.

От моего движения они сжались и застыли, словно приготовились к побоям. Я убрал руки и вышел из комнаты.

За двадцать минут хозяйка умудрилась собрать весьма обильный стол. И первое, и второе, и салаты какие-то стояли на нём. Мы сели наконец. Я разлил по рюмкам водку.

– Может девчонок позовём? – предложил я. – Тоже наверное кушать хотят.

– Не надо, – отмахнулась Мария Сергеевна. – Они уже ели. И нечего им со взрослыми за одним столом сидеть.

С каждой новой рюмкой мы проникались друг к другу всё большей симпатией. Я рассказывал какие-то анекдоты, хозяйка от души смеялась. Разговаривали и о грустном – она поведала о своём неудачном замужестве, я – о бесчисленных работах и населённых пунктах, в которых доводилось побывать.

– Музыки не хватает, да? – спросила она.

По-моему, и без музыки всё было неплохо, но я ответил утвердительно:

– Да, хорошо бы музыку.

– Да у меня ведь магнитофон есть! – встала она со стула. – Раздолбанный немного, но работает.

Она покопалась в ящиках шкафа и извлекла на свет божий древний магнитофон «Романтик». Крышка на кассетной деке отсутствовала, был он весь в царапинах и сколах. Но действительно оказался работающим. Мария Сергеевна зарядила в него не менее зачуханную кассету и снова уселась за стол. Из магнитофона донёсся голос Валерия Ободзинского. Как ни странно, он оказался очень даже под настроение.

– Мария Сергеевна! – осмелев, обратился я. – Может, потанцуем?

Хозяйка была польщена таким предложением. Мы вышли на середину комнаты, обнялись – причём весьма интимно – и неторопливыми шажками закружились вокруг своей оси.

По окончании танца я поцеловал её руку. Такая галантность окончательно развеяла в ней последние тени сомнения на мой счёт. За столом она сидела уже у меня на коленях. Я неторопливо поглаживал её мускулистую ногу.

Как водится, пришлось бежать за второй. К этому времени стемнело и мне пришлось поплутать в поисках магазина. Он был успешно обнаружен, и пирушка наша продолжилась.

Кассета с Ободзинским крутилась в четвёртый раз. Танец сменялся танцем, я лапал хозяйку за грудь и ягодицы, она не сопротивлялась. Мы стали целоваться.

– Сегодня с тобой спать лягу! – с туманной улыбкой глядя мне в глаза, сообщила Мария Сергеевна.

– Ложись! – бодро отозвался я, переходя на «ты». – Вдвоём-то веселее.

Гулянка закончилась поздней ночью. Маша – как я звал её теперь – прогнала дочерей в зал. Сонные, ничего не понимающие, они перебрались в соседнюю комнату и плюхнулись на кровать.

Весёлые и разнузданные, мы разделись догола и легли в постель.

Я был с женщиной в третий раз. Предыдущий, второй, состоялся почти четыре года назад. Я сильно сомневался, получится ли у меня что-нибудь, но водка заглушила рефлексию, и поэтому я действовал весьма уверенно и нахраписто. В общем и целом я показал себя молодцом. По крайней мере, Маша осталась довольна.

На следующий день торговать она не пошла. С утра до вечера мы провалялись в постели. Девчонки заглядывали в комнату, спрашивая у матери про еду.

– Что найдёте, то и ешьте! – отмахнулась она от них.

Я встретился глазами с Леной. Мне стало неловко: мы, голые, лежим с её матерью в постели. Но к моему удивлению взгляд девочки оказался гораздо более тёплым, чем раньше. Даже мимолётную тень робкой улыбки увидел я на её губах.

В понедельник я успешно прошёл медкомиссию. Во вторник вышел на работу. Меня определили помощником токаря к мужичку пенсионного возраста, который откликнулся на имя Сеня. Сеня был положительным бабаем – общий язык мы с ним нашли быстро. В помощниках мне предстояло ходить месяц. Я опасался, что это слишком короткий срок, чтобы освоить специальность, но вскоре понял, что срок непомерно раздут. Через два дня я уже вполне качественно вытачивал все детали, положенные для производства токарю.

– Нормально! – кивал Сеня, наблюдая за моей работой.

Однако работы было мало. В день мы трудились от силы часа четыре, остальное время просиживали в курилке. Часто нас просто отпускали в обед.

Возвращаясь в один из таких дней домой, я проходил мимо местной школы и у забора увидел хозяйских дочерей – Лену и Марину. Какой-то пацанёнок кидал в них камни и кричал безобразно-матерные выражения. Они касались их внешности.

Подбежав к пацану, я схватил его за шиворот и прижал лицом к пружинящим сплетениям проволочного забора. В груди кипело бешенство.

– Что за дела?! – заорал я. – Тебе башку отвинтить, щенок паршивый?!

Реакция пацана была весьма наглой.

– Ну-ка отпусти! – зло и спокойно ответил он. – Они первые начали.

– Первые? – выдохнул я. – Ты охренел что ли?

Прищурив глаза, пацан смотрел вдаль. Я не знал, что с ним делать. Читать нотации я не умел. Похоже, он почувствовал мою неуверенность.

– Ещё раз, – тряс я его, – я увижу, как ты издеваешься над девчонками, я с тобой не знаю что сделаю.

«Не знаю что» было особенно неуместным выражением. Пацан усмехнулся на мои слова.

- Ладно, ладно – закивал он, всё так же нагло.
- Ты понял меня или нет? – потрянул я его ещё раз.
- Понял, – отозвался он.

Я смотрел на него и видел, что ни хрена он ничего не понял. И даже не хочет понимать. «А кого мне бояться?» – мелькнуло вдруг в голове. Новая волна ярости стремительно накатила и сопротивляться ей не было сил. Я развернул пацана лицом и со всей дури врезал ему кулаком в живот.

– А-а-а!!! – выдохнул он.

– Что, нравится? – нагнувшись, шепнул я ему в ухо. – А дальше ещё лучше будет! Хотя одно слово им скажешь – башку отвинчу! Понял?

– Понял, – прохрипел он, и теперь я видел, что он действительно меня понял.

Несколько испуганных школьников взирали на меня из-за забора.

– Кто этих девочек обидит, – сказал я им, – всех поубиваю.

Потом я обнял Лену с Мариной за плечи и повёл их домой. Я чувствовал, что они гордятся мной сейчас. Мне, однако, было не по себе. Проклянулись угрызения совести. Эх ты, говорил мне внутренний голос, ребёнка избил. А ведь можно было и как-то иначе всё решить.

«Нельзя, – ответил я твёрдо, отмахиваясь от всех угрызений. – Раз он не понимает элементарных вещей, значит надо учить. Теперь будет знать, что и почём в этой жизни».

– Дядя Алёша, а он каждый день нас обижает, – смотрела на меня снизу вверх Марина.

– И другие тоже! – добавила Лена.

– Теперь не будут, – сказал я им. – А если кто попробует, сразу мне говорите.

Мы шли по залитой грязью улице. Приходилось делать виражи, чтобы обойти лужи. Девчонки держали меня за руки.

– Они нас безобразными называют, – продолжала жаловаться Марина. – Уродинами.

– Э-э, да что они понимают! – отвечал я. – Живут на краю света, в богом забытой дыре и ничего не знают, что в мире делается. А в мире сейчас безобразные девушки как раз самые модные. И в фильмах их все снимают, и в журналах фотографируют.

– Что, на самом деле? – спросила Лена, причём так серьёзно, что по спине моей пробежал холодок.

– Конечно! – кивнул я. – Я же везде бывал, всё видел. Было время, когда только красивых сниматься брали, но сейчас всё наоборот. Безобразные девочки снова в моде! Только их снимают, только им деньги платят.

– Что, совсем-совсем безобразные? – удивлённо смотрела на меня Лена. – Прямо как мы?

– Да ещё страшнее! Вы по меркам шоу-бизнеса самые настоящие красавицы. Вот вырастите, моделями станете. Знаете, сколько модели денег зарабатывают?

– Сколько? – спросила Марина.

– Миллионы! И все их уважают, все им руки целуют. А вы печалитесь, что некрасивые... Вы радоваться этому должны! Я вам просто завидую. Потому что знаю, какой успех вас ждёт и какие деньги вы будете загребать. В безобразных девочках – вся привлекательность.

В тот вечер я делал с ними уроки. Знаний моих вполне хватило на все предметы. Я помогал им делать упражнения, задачи, решал примеры и неожиданно обнаружил в себе педагогические задатки.

– Вот смотри, – говорил я Лене, – первая бригада строителей за час уложила...

Лена была сообразительной. Ей даже подсказывать особо не приходилось. Мне показалось, что она ждала моего объяснения лишь как очередного знака внимания.

С Мариной дело шло тяжелее. Она лишь пожимала плечами и ковырялась в носу. Я сделал за неё все задания и заставил переписать в тетрадь. Ей удалось это лишь с огромным количеством ошибок.

– Дядя Алёша, – спросила меня Лена, – а вы с мамой поженитесь?

Вопрос поставил меня в тупик. Жениться на её матери я, разумеется, не собирался. Но говорить об этом девочкам было бы неправильно.

– Это не от меня зависит, – ответил я уклончиво.

– От мамы?

– И от неё вряд ли.

– От чего же?

Я подбирал нужные слова.

– От обстоятельств.

– От обстоятельств... – разочарованно и не по-детски серьёзно произнесла она.

– Просто мы ещё слишком мало знаем друг друга, чтобы принимать такие решения.

– А я хочу папу! – сказала вдруг Марина, но тут же засмузилась меня, а ещё больше сестру. – Лена смотрела на неё необычайно сурово, с какой-то странной тоской на изуродованном лице.

Раздался звук открываемой двери и через мгновение на пороге, с сумками в руках, показалась хозяйка. Была она явно не в настроении, а увидев нас вместе за столом, как-то нехорошо этому удивилась.

– Вот они где, – сказала она, недружелюбно на нас посматривая, словно ревнуя меня к дочерям. – Милая семейка. Папаша и дочки.

Я не понимал причину её недовольства.

– Как дела у тебя? – спросил, чтобы сменить тему. – Что-то ты неважно выглядишь.

– Неважно! – завелась она вдруг. – А ты постой весь день на ветру, потаскай сумки, и посмотрию я, как ты будешь выглядеть.

Я попытался помочь ей закинуть сумки на печь. Маша раздражённо оттолкнула меня.

– Отойди на фиг. Помощник херов.

Я был неприятно удивлён её реакцией. Мария Сергеевна с каждой минутой заводилась всё сильнее.

– А полы-то вы не мыли что ли? – обнаружила она вдруг под ногами сор. – А? – сверкая глазами, возвышалась она над дочерьми.

Девочки пришибленно молчали.

– Чё молчишь? – дала она подзатыльник Лене. – Я тебе что говорила? К моему приходу полы намыть!

– Они не успели, – заступился я за девочек. – Мы уроки делали.

– Ах, вы уроки делали! А полы я за вас мыть должна?!

Она схватила дочерей за волосы. Девочки завизжали.

– Я весь день как проклятая пашу, – орала хозяйка, – а они прохлаждаются здесь! Сидят, улыбаются. Уроки у них!

Я оттащил её в сторону.

– Маша! – держал я её за руки. – Что с тобой?

От моего вопроса и пристального взгляда, которым я пытался образумить её, у хозяйки началась настоящая истерика.

– Пошёл на хер! – срываясь на визг, завопила она.

Потом, оттолкнув меня, схватила полотенце и принялась лупить им дочерей. Лена тотчас же забралась на печь и спряталась там, забившись в угол. А вот с Мариной стало происходить что-то странное. Упав на пол, она закричала и затряслась какой-то нехорошей дрожью. Мать, не взирая на это, продолжала бить её.

Я схватил хозяйку и оттащил в соседнюю комнату. Она вырывалась, царапала меня ногтями и визжала. Лишь после того, как я посадил её на стул и хорошенько встряхнул, она как-то обмякла и немного успокоилась. По крайней мере, перестала вопить. Закрыв глаза ладонями, Маша заплакала.

Марина продолжала кататься по полу. Я поднял её и перенёс на кровать.

– Лена! – метнул я взгляд на прятавшуюся на печи девочку. – Что с ней делать? Может, «скорую» вызвать?

– Не надо, – отозвалась она. – Сейчас пройдёт.

Вскоре Марина действительно перестала кричать. Лишь болезненно всхлипывала.

Всё произошедшее произвело на меня весьма удручающее впечатление. Мне не хотелось оставаться сейчас в помещении. Убедившись, что Марине лучше, я захватил сигареты и стал одеваться.

– Я пройдуся, – кивнул я Лене. – Подышу воздухом. Может, мать успокоится за это время.

Лена мне не ответила.

На воздухе я закурил и бесцельно побрёл вдоль по улице. Что-то очень нехорошее ощущал я в окружающей меня реальности. Какой-то надлом, отторжение к этому месту, к этой работе, к этим людям.

– Да ничего, ничего, – говорил я сам себе. – Что ты как баба. Нельзя всё так близко к сердцу принимать. Везде такое бывает, в каждой семье.

Самоуспокоение действовало слабо.

Вернувшись через час на квартиру, я обнаружил хозяйку сидящей за столом. На столе стояла распечатанная и наполовину опорожненная бутылка дешёвой настойки. Ещё одна – пустая – валялась под столом.

– Садись! – выпученными, бессмысленно-презрительными глазами смотрела она на меня. – Пить будешь?

Язык её заплетался. Голова не держалась на плечах. Она была красной и злой.

– Нет, спасибо, – отозвался я.

И, чуть подумав, присел на соседний табурет.

Я сделал это зря. Мне надо было уйти в свою комнату, раздеться и лечь. Слабым, пьющим людям нельзя делать шаг навстречу. Но я дал Марии повод для колючего и идиотского разговора.

– Чё, не нравлюсь? – уставилась она на меня тем болезненно-пытливым взглядом, которым смотрят алкоголики.

– Да, не нравишься, – не отводя глаз, ответил я.

Мария Сергеевна опустила голову и презрительно усмехнулась.

– Гордый, значит, – бормотнула она. – Не такая тебе нужна... Думал, я правильная, а я оказывается сука дешёвая. А, так ведь?

– Ничего я не думал, – я был раздражён и её тоном и её словами.

Особенно неприятным во всём этом оказалось то, что она воспринимала меня уже не как какого-то чужого мужика, пущенного на постой, а как неотъемлемый, нерушимый элемент своей жизни. Словно я каким-то образом принадлежал ей, и это ощущение вызывало во мне крайнее отторжение и к ней, и ко всему, что было с ней связано.

– Я вообще о тебе не думаю, – продолжал я. – Я приехал сюда работать, жизнь новую начинать, и ты мне на фиг не нужна. Без тебя раньше жил, без тебя и впредь проживу.

Я вдруг понял, что говорю в том же стиле, что и она. Словно я действительно оброс некими нитями, что связывали меня с ней. Меня это разозлило.

– Ну правильно, мы ведь вам не чета, – с той же презрительной улыбкой вещала хозяйка. – Вы ведь чистенький, грамотный, а мы кто? Мы голь перекатная. Мразь подзаборная...

Мария Сергеевна налила себе ещё одну рюмку настойки и залпом выпила.

Мне хотелось встать и уйти, но почему-то я опять не сделал это. Хозяйка снова заговорила, неся какую-то несусветную чушь, а я сидел, морщился, воротил голову, но всё же слушал, слушал. Слушал, пока она не вылакала содержимое бутылки и, сморившись, уткнулась лицом в стол.

Я схватил её за руки и поволок к кровати. Закинул на не застеленную постель, потом присел к окну, открыл форточку и закурил.

Сигарета подходила к концу, когда дверь приоткрылась и в комнату проскользнула Марина. Доковыляв до меня, она повисла у меня на руках.

– Папа! – услышал я её голос. – Я спать не могу.

Она плакала. Я вздрогнул от слова «папа» и посмотрел на неё таким удивлённым взглядом, что увидевший меня в эти секунды, наверняка подумал бы, что со мной что-то неладное. Но меня никто не видел. Марина забралась ко мне на колени и обвила меня руками.

– Со мной всегда так, – бормотала девочка, – когда она орёт на меня.

– Ну ничего, ничего, – неожиданно для себя погладил я её по спине. – Всё прошло. Может, тебе лекарства какие дать?

– У нас и нет никаких.

В комнату вышла Лена.

– Пап, а ты купишь мне лосины? – отодвигая сестру, уселась она на свободную ногу. – У нас все девчонки в лосинах ходят, одна я как дурочка в чулках. К тому же они рваные.

Я смотрел на неё уже не удивлённо, а испуганно.

– Конечно, Лена! – отозвался я. – Куплю тебе самые лучшие лосины. Все тебе завидовать будут.

– Пап, а мне купишь? – спросила Марина. – Я ещё юбку хочу. Я видела в магазине – джинсовая, красивая такая.

– Обязательно! – кивал я. – Считаю, что она твоя.

– И велосипед хочется, пап! – прижавшись к моей груди, шептала Лена.

– Будет велосипед, – ответил я. – Даже два. Каждой по велосипеду.

– Ты только не бросай нас! – они теребили мою рубашку.

– Что вы?! – возмутился я. – Разве могу я бросить своих дочек?

Было четыре часа утра, я подходил к железнодорожной станции. Наскоро собранные вещи болтались в сумке. Вроде бы я забрал всё.

– Гады! – бормотал я. – Изверги рода человеческого! Разве я за этим сюда приехал? За страданием? За любовью? За нежностью? Я работать хотел, жить по-человечески. Обыкновенно жить. Купить телевизор и видеомagneфон. Просто жить хотел! А вы...

На станции я купил билет на первый проходящий поезд. Он шёл на Пермь. Пустынный, обшарпанный вокзальчик с окошком билетной кассы и слабым желтоватым освещением – я был ужасно рад встретить его снова. Я видел их много – в разных городах, в разные периоды своей жизни и понимал сейчас, что они, эти вокзалы, были единственным местом, которое по-настоящему радовало меня.

Я жалел о трудовой книжке.

– А, ладно! – мысленно махнул я рукой. – Новую заведу. Это не проблема.

Около половины шестого подъехал поезд. Стоянка две минуты. Я бежал вдоль вагонов, отыскивая нужный, и бормотал в такт останавливающимся колёсам:

– Любви они захотели! Нежности! Какая вам нежность, какая любовь, недоделанные?!

Нужный вагон был найден. Я протянул заспанной проводнице билет и прошёл на своё место.

– Неужели вы думаете, что во мне есть нежность?

История неудачника (им мог бы стать и ты)

В первом классе папа подарил Ване пластинку группы Deep Purple. Она называлась «In Rock» и на её обложке были изображены пять длинноволосых мужчин, высеченных в скале.

– Это моя любимая группа, – бормотал пьяный отец. – Великая музыка. Они тебе понравятся, я уверен. Особенно прислушайся вот к этой.

Он ткнул грязным пальцем в третью песню. Три коротких английских слова были её названием. Рядом стояли цифры, обозначающие время звучания, а чуть ниже, мелким шрифтом, было напечатано ещё какое-то выражение. Подзаголовок.

– Чайлд ин тайм. Ребёнок во времени. Прямо про тебя, – криво улыбнулся папа и потрепал Ваню по голове. – Эта песня изменила мою жизнь.

Отец вот уже три года не жил с семьёй. Появлялся редко, как правило пьяным. В квартире мама его не пускала, выходила на лестничную площадку, и Ваня слышал их нервные, сбивающиеся на крик голоса. Не пустила она его и на этот раз. Он очень просил повидаться с сыном, «напоследок». Мама почему-то сжалась и позволила Ване выйти к отцу. Тот целовал его потрескавшимися губами, дышал в лицо перегаром и просил за что-то у Вани прощения.

– Прости меня, сынок! – смотрел на него отец и в его глазах блестели слёзы. – Я очень виноват перед тобой.

Ваня напряжённо молчал.

– Свидание окончено, – выглянула из дверей мама.

Отец поднялся с колен и, не попрощавшись, стал спускаться по лестнице.

– Ты куда хоть уезжаешь? – крикнула она ему вдогонку.

Он не отозвался.

Она завела сына в квартиру и закрыла дверь. Ване было невероятно жалко папу. Даже захотелось уйти вместе с ним.

– Что он тебе подарил? – взяла мама в руки пластинку. – У-у, «Дип Пурпл». Бяка какая! Лучше б «Арабесок» принёс. У него было, я помню. Ну, слушай, – вернула она пластинку Ване.

Он открыл стоявшую в углу радиолу, вытащил пластинку из конверта и поставил её под иглу. Начал сразу же с третьей песни...

На следующий день мама сказала, что папа повесился.

– Раздвигаем парты! Дружно, дружно. Мужчины, вы уж девочек освободите от этой обязанности!

Пацаны вмиг раздвинули парты. Чаепитие наконец-то переходило в самую интересную свою стадию – танцы. Девочки толпились в центре класса, нарядные, улыбающиеся. Мальчишки суетились и старались вести себя поразвязней.

Пятый класс.

– Итак, – спросила классный руководитель Светлана Ильинична, – кто какие пластинки принёс? Лично я принесла Надежду Чепрагу.

– Я Челентано принёс!

– А я Боярского.

– Я Пугачёву.

– Я – группу «Форум».

– А я «Дип Пёрпл»! – крикнул Ваня.

Такую группу никто не знал. Одноклассники выбрали «Форум».

– Белая но-о-чь опусти-и-илась как о-облако..., – зазвучало в динамике старой вертушки.

Все стали разбиваться по парам.

– Ты танцуешь? – подошла к Ване девочка Лена. Самая красивая девочка в классе.

– Да, – кивнул он застенчиво.

Они вышли в центр, обнялись и стали неумело танцевать. Лена смотрела на него пристально и томно.

– А я ничего не принесла, – сказала она. – Мне сестра не дала. Хотя у неё много чего интересного. А у тебя что за пластинка?

– «Дип Пёрпл». Моя любимая группа.

– Не слышала. Классно играют?

– Ещё как! Я поставлю тебе.

Он прорвался к проигрывателю и, несмотря на бурные протесты, зарядил «Child In Time». С первых аккордов, как обычно, нахлынула волна кайфа.

– Чё за параша! – раздались крики. – Верните «Форум»!

– Под такое не потанцуешь, – сказала Светлана Ильинична. – Может, Чепрагу послушаем?

– Гадость какая-то, – морщась, сделала заключение Лена. – Ну и дрянь ты слушаешь!

Он ушёл, не дождавшись конца.

– Уроды! – бормотал себе под нос. – Чтоб вы сдохли все!

– Ну а чё, – бодрился Иван. – Неоконченное высшее – тоже неплохо.

– Да где уж там! – возражал сосед по комнате Олег. – Высшее образование должно быть законченным.

– Ой, брось ты эту правильную философию! – морщился Иван, разливая по стаканам остатки портвейна. – Миллионы людей живут без высшего, и ничего.

– Но уходить на четвёртом курсе...

Иван взял стакан в руки.

– Ну, видишь как оно вышло.

– Тебе просто надо было поговорить с социологом. С глазу на глаз.

– Не помогло бы.

– Но почему! Он же нормальный человек. Хотя бы тройку мог поставить.

– Он не человек. Он тварь в человеческом обличии.

Олег досадливо качал головой.

– Какое отношение к людям у тебя неправильное!

– У тебя очень правильное.

– Просто он упёртый. Хочет видеть у студентов настоящие знания.

– Ничего он не хочет. Срать он на всех хочет. Он кусок говна, который жаждет уважение. Он унижить меня хотел, увидеть ползающим на коленях.

– Эх, Ванька, Ванька. Тяжело тебе в жизни придётся.

– И ты ту же песню... Чёрт знает сколько от жизни прожито, а всё будто впереди что-то там будет.

– Будет впереди. Будет. Но не для всех.

– Да ну на хер! Грузиться ещё... Давай, твоё здоровье!

– Твоё!

Они допили вино. Иван стал собирать вещи.

– Что Вань, отчаливаешь? – заглядывали в дверь соседи по коридору.

– Да, всё, – кивал он.

– Ну, счастливо! Удачи тебе.

– Это вам удачи, – огрызнулся он. – Моя всегда при мне.

Диппёрпловскую пластинку в сумку положить не решился. Боялся сломать. Попросил у Олега пакет.

– Тут на днях меломан тот самый приходил, – сказал Олег. – Бородатый. Говорил, хочет купить диск.

– Он не продаётся.

– За хорошие деньги. Диск-то у тебя фирменный.

– Вот поэтому и не продаётся.

– Ну как знаешь.

Напоследок хотелось обнять соседа, с которым прожил вместе три с лишним года. Однако что-то остановило.

«Он тоже сволочь хорошая», – мелькнуло в голове.

– Прощай, – протянул он Олегу руку.

– Суит чайлд ин тайм, – напевал по дороге к автобусной остановке, – юл си де лайн...

Песня бодрила.

– Ладно, решено, – процедил он сквозь зубы. – Развод так развод.

Она рассмеялась.

– Думаешь, я плакать буду?!

– Не будешь?

– Не-а.

– Ай, красавица!

– На хуй иди.

Она переместилась на кухню. Иван потоптался по квартире, посмотрел программу передач. Ничего интересного.

– Я к матери поеду, – доносилось бормотание жены. – Не хочу с тобой ни дня оставаться. Виталика сама заберу.

– Скатертью дорога.

– Завтра заявление напишу. Если желаешь, тоже приходи. Часам к десяти.

– Сама справишься.

Роясь в сумочке, жена вышла в коридор.

– Я знала, что всё плохо кончится, – говорила она вполголоса. – Угораздило меня за такого мудака замуж выйти!

– Пасть заткни! – крикнул он. – Пока в окно тебя не выкинул.

– Неудачник! – яростно выдавила она.

Он открыл дверцу шкафа. Диска на месте не было.

– Где моя пластинка? – вышел он в коридор.

– Какая пластинка? Не знаю.

– «Дип Пёрпл»! Моя пластинка!

– Ой, иди в пизду со своей пластинкой.

– Ты, сука! – подступил он вплотную. – Если ты что-то с ней сделала...

Жена заслонила руками.

– Только ударь меня! Сразу сядешь.

– Где пластинка, курва?!

– Не видела я пластинку. Отстань!

Он рыскал по квартире, открывал дверцы шкафа и тумбочки. Заглянул под диван.

– Если ты её выкинула...

– Ничего я не выкидывала, – пищала жена. – Наверху, на шкафу – не она?

Диск был там.

– Убиралась, переложила случайно...

«Сука, – думал он. – Гнусная сука!»

Жена торопливо выскользнула за дверь.

Иван достал вату, дистиллированную воду и стал протирать виниловые бороздки.

– Борис Степанович, можно к вам?

– А, Ваня! Заходи, заходи.

Директор был артистично приветлив.

– Я с заявлением.

– Каким заявлением?

– Об увольнении.

– Об увольнении!?

Директор попытался изобразить крайнюю степень удивления. Получилось это натушно и неубедительно.

– Да, решил уволиться.

– Что так? Что-то лучше нашёл?

– Нет пока. Но здесь больше не хочу работать.

Борис Степанович поморщился.

– Обиделся, что премии лишили? Сам виноват. Поймали на проходной пьяным – всё, ничего не попишешь.

– Да не в этом дело.

– А в чём?

– Не нравится мне здесь.

– Вон оно что! – директор саркастично улыбнулся. – Что же тебя не устраивает?

– Всё не устраивает. Люди, условия.

– Эх как! Вона ты какой ты у нас!

– Такой, какой есть. Настояебала вся эта тупость.

Директор был оскорблён словами Ивана.

– Ты думаешь, перед тобой все двери открыты? Ждут тебя с распростёртыми объятиями? Ошибаешься. Сейчас тебе ой как тяжело будет хорошее место найти.

– Как будто это хорошее.

– Ну, хорошее не хорошее, но вполне приличное.

– Конечно, конечно. Переходите и вы в вулканизаторщики. Вам понравится.

Борис Степанович обиженно молчал. Терял в руках авторучку. Задумчиво смотрел в окно.

– Да что я с тобой разговаривать буду, – изрёк наконец. – Давай твоё заявление.

«Не возражаю», – написал на бумаге. Поставил дату и подпись.

10.16 – горело на электронных часах проходной.

«Прямо как продолжительность «Child In Time», – подумал Иван.

– Виталик! – позвала мама сына. – Выйди на лестничную площадку. С тобой папа поговорить хочет.

– Папа пришёл? – удивился Виталик.

Он приоткрыл дверь и переступил порог квартиры.

Папа стоял, прислонившись к перилам. Увидев сына, расплылся в улыбке.

– Здравствуй, сынок! – присел на корточки.

Запахло перегаром. Папа был небритый и очень худой.

– Как ты?

– Хорошо, – буркнул Виталик.

– В каком сейчас классе?

– В третьем.

– Ух ты!

Иван смотрел на него пристально, долго, а потом вдруг расплакался.

– Прости меня, сынок! – обнял он сына. – Я страшно виноват перед тобой.

Виталик застенчиво молчал. Папа утёр слёзы, шмыгнул носом и полез в пакет, который стоял прислонённым к стене.

– Я уезжаю сегодня, – буркнул он. – Возможно надолго. Может, насовсем даже. Не знаю, увидимся ли ещё. Хочу тебе подарок сделать.

Он достал из пакета пластинку с пятью длинноволосыми мужчинами, высеченными в скале.

– Вот, моя любимая группа. «Дип Пёрпл». Слышал такую?

Виталик отрицательно замотал головой.

– Великая музыка. Тебе понравится, я уверен.

– Спасибо, – буркнул сын.

– Особенно обрати внимание на третью песню. Самая моя любимая. Она изменила мою жизнь. Чайлд ин тайм. Ребёнок во времени. Прямо про тебя, – взъерошил он сыну волосы. – Слушать есть на чём?

– Не знаю, – пожал плечами Виталик.

– Старая вертушка была, я помню. Обязательно послушай!

В дверь выглянула мать Виталика.

– Ну что, всё вы? Поговорили?

– Да, всё, – поднялся Иван. – Пойду я. Счастливо оставаться.

Он стал спускаться по лестнице.

– Уезжаешь что ль куда? – крикнула вдогонку жена.

Иван не отозвался.

– Ну-ка, что он тебе подарил? – взяла мать у Виталика пластинку. – О-о, «Дип Парпл» свой! Как это он с ним расстался? Ну, слушай. Если проигрыватель ещё работает.

Проигрыватель работал. Виталик сразу же включил третью песню.

Она произвела на него огромное впечатление.

The story of a loser – it could be you. Так звучал на английском подзаголовок песни, напечатанный мелким шрифтом. Спустя несколько лет Виталику удалось перевести его на русский.

«История неудачника – им мог бы стать и ты».

Женщина тысячи мужчин

– Иду! Иду! – кричала она, подбегая к двери. Мельком взглянула на себя в зеркало – вроде нормально. Не считая, конечно, живота.

Открыла дверь. Он вошёл – стремительный, элегантный, с огромным букетом роз, за которым пытался прятаться. Костюм с иголочки, белоснежная рубашка, галстук под цвет глаз, начищенные до блеска ботинки, и улыбка – эта кроткая, волшебная улыбка.

– Это мне?.. – Не было слов, чтобы выразить восторг. – Кирилл, ты просто...

Он притянул её к груди и поцеловал. Поцелуй длился не меньше пяти минут – никто, кроме него, не умел делать это так долго.

– Как там наш малыш? – положил он руку на живот. – Не капризничает?

– Да нет, – отвечала она, – он хорошо себя ведёт. Только иногда чем-то недоволен бывает.

– Когда он родится, – шепнул он ей на ухо, – он будет доволен абсолютно всем.

В машине они разговаривали о её прерванной учёбе.

– Ну ты хочешь продолжать это дело? – спрашивал он её.

– Ой, даже не знаю. Когда академку брала – до смерти не хотелось учёбу эту на год затягивать. Помнишь, какая злая из-за этого была?

– Помню, – улыбаясь, кивал он.

– А сейчас... совсем всё желание пропало. Не знай, найду ли силы после родов? Почему-то кажется, что нет.

– Я вот тебе что хочу сказать, – после секундной паузы продолжал он. – Если тебе учёба в тягость – плюнь ты на неё! Я серьёзно. Не стоит из-за этого здоровье гробить. Материально ты будешь обеспечена. Я даже не хочу, чтобы ты работала. Дома сидеть будешь.

Она ничего не отвечала, будто раздумывая, но уголки губ так и складывались сами собой в улыбку.

– Я тебе, – потянулся он к бардачку, – подарок небольшой купил. Примерь, – протянул он чёрную коробочку.

Она открыла.

– Серёжки! Бриллиантовые! – смотрела на него в немом восхищении. Потом прильнула и чмокнула в щёку. – Паш, ты просто бесподобный!

Ресторан действительно впечатлял. Он располагался на третьем этаже и на каждом повороте лестницы, а ещё у входа и по углам стояли лакеи в ливреях.

Их проводили в зал, посадили за столик – они выбрали самый дальний. Заказали совсем немного – в её положении налегать на кулинарные изыски было бы рискованно. Он тоже не излишествовал – просто чтобы не дразнить любимую. Они потягивали вино, перебрасывались негромкими фразами и слушали печального саксофониста.

– Обожаю такую музыку, – говорил он ей.

– Я тоже, – отвечала она.

– Сейчас какую—то туфту народ слушает. Настоящая музыка уходит. Вот, единицы лишь хранят ещё её для нас.

Она вскинула понимающе глаза – говорить сейчас не хотелось, музыка пронидала до самых основ. Когда музыкант закончил композицию, они долго, правда почти беззвучно аплодировали ему.

– Сейчас я тебе покажу кое-что, – сказал он некоторое время спустя, заговорщически подмигивая. Засунул руку во внутренний карман пиджака.

– Опля! – и достал бумажник.

А из бумажника – сложенный вчетверо листок.

- Взгляни, – протянул ей.
- Что это? – удивилась она.
- Прочти.

Она начала читать, но не сразу вникла в суть дела, нетерпение же в нём бурлило.

- Это контракт, – не выдержал он, – на покупку дома.

- Ты купил дом?!

– Ага... В очень живописном месте – тебе понравится. Правда он ещё не готов к заселению. Но... Это наш дом!

Она лишь качала головой.

- Федя, – вымолвила наконец. – Ты – чудо!

На набережной было пустынно. Ночь робко и бесшумно зажигала звёзды. Она была на удивление тёплой и ласковой, эта бескрайняя ночь. Река искрилась огнями, умиротворяла, ветер обдувал лица – был совсем не сильным, задумчивым каким-то. Задумчивы были и они.

- Ночь, звёзды, мир... – шептала она.

Он стоял сзади, обняв её за талию, положив голову на плечо – как и она, смотрел на воду.

- Я, ты, вселенная... – вторил ей.

– Так чудно, – шептала она снова. – Мы вдвоём наедине с бескрайностью. Вокруг пустота, вокруг тьма – лишь ты и я остались в этом мире. Почему? Почему лишь мы?

– Мы – самые счастливые, – отвечал он. – Все, кто был исполнен злобой и ненавистью, погибли. Их собственная злоба, их собственная ненависть поглотили их. Мы оказались единственными, кто верил в любовь.

- В любовь... – словно эхо вторил её голос.

- А ты знаешь, кто я? – спрашивал он её.

- Кто ты?

– Я – повелитель мира. Я правлю им миллионы лет. Я велик и могуч, лишь одного не хватало мне всё это время.

- Чего же?

- Тебя...

Она повернулась к нему лицом. Они смотрели теперь друг на друга, глаза в глаза – смотрели и тонули в этих взглядах.

- Чувствуешь ли ты этот мир? – шептал он ей. – Чувствуешь ли ты эту бескрайность?

- Да, – отвечала она.

- Она – твоя. Весь мир, вся вселенная – твои.

Они сблизили губы. Поцеловались.

- Значит, теперь я – повелительница мира? – улыбнулась она.

– Да. А наш ребёнок, – он нежно провёл ладонью по животу, – и будет для нас этим миром...

- Ваня, – спросила она, – а ты знаешь сколько осталось недель?

- Сколько?

- Всего две. Представляешь, через две недели у нас будет малыш!..

Прощались долго, но никак не могли сказать последних слов. Подъезд тонул во мраке, где-то наверху мяукала кошка, они стояли на лестничной площадке.

- Вот ты кого хочешь? – спрашивал он её.

- Мальчика. А ты?

- Наверное тоже мальчика. Но не расстроюсь, если будет девочка.

- А я расстроюсь.

- Почему?

- Я хочу только мальчика! Сына! Всегда мечтала о сыне.

– Ну, раз мечтала – сын и родится.

– Сплюнь.

Помолчали.

– Смотри, какая игрушка, – достал он из кармана что-то.

– Что это?

– Чёртик. Но не простой. Бессовестный. Его только вот так держать надо, за пояс.

– А почему?

– Ну попробуй по-другому.

Она схватила чёртика за голову. Штаны вдруг съехали с него и вся обнажённая натура выставилась наружу. Они грохнули со смеха.

– Валер, приходи завтра, – сказала она ему, целуя на прощанье. – У мамы день рождения, посидим немного. Всё будет очень скромно.

– Хорошо, – кивнул он. – Во сколько?

– В пять.

Перед тем, как переступить порог, она обернулась.

– Я люблю тебя, – шепнула ему.

И скрылась за дверью.

Помню тебя, Сейфуль-Мулюков!

Брат пригласил меня на день рождения жены. Я не очень хотел идти, отношения с ним у меня не ладились, с женой его – особенно. После того, как он открыл свою фирму и женился на этой суке Светлане – дочери владельца холдинговой компании, он стал избегать меня. Я понимал почему: ему было стыдно за брата—плотника. И науськивала его в этом жена – в её кругу не было позора больше, чем родственник—пролетарий.

Однако пошёл.

– О, Егор! – приветствовал меня Кирилл в своём загородном особняке, после того, как я в сопровождении охранника и под лай собак, которых держали тут целую псарню, проследовал в дом.

– Здравствуй, – протянул я ему руку.

– Привет! – рукопожатием он не ограничился, обнял меня. Я такого внимания не ожидал.

– Рад тебя видеть! – хлопал он меня по спине.

Появилась его жена.

– Егорушка! – неподдельно обрадовалась она мне. – Как здорово, что ты пришёл!

В искренность её я конечно не верил.

– Здравствуй, Света! – попытался улыбнуться.

Она поцеловала меня в щёку. Я даже растерялся на мгновение – никогда не помнил за ней такой нежности.

– Поздравляю с восемнадцатилетием, – пошутил, взяв себя в руки.

– Ой, да брось ты! Тридцать пять – вот мой возраст. И никуда от него не денешься.

– Я без подарка, извини, – развёл я руками. – Просто не придумал, что тебе можно подарить.

– Да какие подарки, Егор! Молодец, что сам пришёл! Проходи в зал.

– Проходи, – кивнул и Кирилл.

Взяв под руку, он повёл меня в зал.

– У меня к тебе серьёзный разговор, – сообщил он по дороге. – И пригласили мы тебя не просто так.

Я напрягся.

– Я очень много думаю о тебе, – продолжал он. – И знаешь... Мне не нравится, что мы так отделились.

Стол, накрытый посередине зала, ломился от яств.

– Это не по-семейному. Не по-братски. Да и живёшь ты как-то... Плотником работаешь, не женат... Это всё связано – кто сейчас за плотника замуж выйдет?

Разговор этот мне не нравился.

– Так дальше нельзя, поверь мне. Никто сейчас так не живёт. Я вообще не представляю, как на твою зарплату можно жить.

– Да я в общем-то не жалуюсь. Мне хватает.

– Вот – мне хватает. Что за крохоборская философия! Разве можно с такими взглядами чего-то добиться в жизни?!

– А что – нужно?

– Конечно нужно! Конечно!

Я уже жалел, что пришёл.

– Короче, Егор! Я хочу помочь тебе! Устроить тебя на приличную работу.

– Знаю я твои приличные работы...

– Работа действительно приличная, можешь мне верить. Заместителем директора по учёту. Перспектива есть. Поработаешь, пообтерёшься – очень возможно, что выше пойдёшь.

– Спасибо, – ответил я. – Но стоит ли? Я вполне доволен своей жизнью.

– Возражения не принимаются. Гости разойдутся – мы с тобой подробнее побеседуем.

Гости постепенно съезжались. Всего набралось человек тридцать. Поздравляли Светлану. Кто дарил перстень с бриллиантом, кто соболиную шубу. Самым дешёвым подарком оказалась видеокамера. Я сидел в уголке и чувствовал себя уличной дворняжкой. «Уж выпить бы, что ли», – думал.

Наконец всех пригласили к столу. Стол был шведским и у них всё это называлось фуршетом. Есть стоя оказалось очень непросто. Я ни с кем не разговаривал и ощущал большую скованность. Лишь после пары рюмок почувствовал себя лучше и стал взирать на это собрание более снисходительно.

Вечеринка была до ужаса скучной. Все не спеша прохаживались по залу и вели какие-то бестолковые разговоры. О музыке, о театре, о кино. Кто-то пытался шутить – до такой степени не смешно, что просто неловко делалось. Ему, однако, улыбались.

– Вчера весь день смеялся, – сказал я стоявшей рядом даме, решив поучаствовать в разговоре.

– Смеялись? – отозвалась она. – Над чем же?

– Вспомнил фамилию одну. Сейфуль-Мулюков. Помните, был на центральном телевидении такой журналист-международник?

На меня обратили взор и другие гости.

– Нет, не помню, – улыбнулась она.

– Ну как же, Фарид Сейфуль-Мулюков. «Международную Панораму» вёл, «9-ю Студию».

– Не помню.

– Ну, их целая кодла была. Сейфуль-Мулюков, Бовин, ещё кто-то. Я к чему это – смешная фамилия очень. И вспомнил её неожиданно так. Хоба – Сейфуль-Мулюков! Долго смеялся.

– Как-как вы говорите? – обратился ко мне какой-то мужчина.

– Сейфуль-Мулюков.

– Араб какой-то?

– Может и араб, я не знаю. Политический обозреватель.

– В какие это годы?

– Семидесятые – восьмидесятые.

Мужчина задумался.

– Нет. Что-то не припоминаю.

– А вы с какого года?

– С шестьдесят второго.

– Ну как же, должны помнить! Я моложе, и то помню.

Никто из гостей Сейфуль-Мулюкова не помнил.

«Ну блин тупые! – думал я. – Что за интеллект у вас, если вы Сейфуль-Мулюкова не помните?!»

– Советские времена ещё были, – продолжал я объяснять. – Холодная война. Вот он всё про гонку вооружений рассказывал, про обстановку на Ближнем Востоке.

– Советские времена? – удивилась какая-то женщина. – Это что за времена такие?

Я юмора не понял.

– Ну как какие, – развёл руками. – Времена Советского Союза.

– Советского Союза? – переспросили меня. – Это промышленная компания какая-то?

Я вглядывался в лица гостей.

«Сволочи! – дошло до меня наконец. – Меня разыгрывают! Неужели думают, что я поведусь на такую тупость?»

– Союз Советских Социалистических Республик! – гордо и оскорблённо произнёс я. – Страна, в которой вы родились и выросли.

Гости смотрели на меня недоумённо. Особенно – брат с женой.

– Но мы родились и выросли в Великой России, – серьёзно ответил мне кто-то.

Я начинал злиться.

– Я понимаю, – сказал, – что в своей жажде наживы вы готовы отвергнуть всё святое и ценное, что есть в нашей жизни. Но отрицать историю... Это уже что-то из ряда вон выходящее.

Кирилл, побледневший и смущённый, делал мне какие-то знаки. Я не реагировал.

– Егор! – позвал он меня наконец. – Пойдём, обсудим кое-что.

– Кирилл! – крикнул я ему. – Киря! Ну хоть ты-то не прячься за идиотской маской. Я не знаю, может у вас так принято – разыгрывать пролетариев, но шутка ваша – неумная.

– Егор, – голос брата стал жёстче. – Подойди ко мне, пожалуйста.

– Может и ты скажешь, – кричал я ему, – что Советского Союза не было?!

– Ни про какой Советский Союз я не знаю, – раздражённо ответил он, подходя ко мне. Схватив за руку, попытался вывести меня из зала.

Я завёлся.

– Гады! – крикнул я, швыряя рюмку об пол. – Сволочи зажавшиеся! Сталина на вас нет! Ленина! Дзержинского! Они бы сгноили вас живьём. Вы ненавидите меня за то, что я беден. За то, что не швыряюсь капустой. Но я выше вас, потому что честнее! И победа, в конце концов, будет за нами!

Подбежавшие охранники вывели меня из зала. Брат бормотал что-то, но я его не слушал. Торжественно плюнув ему под ноги, я оставил этот очаг разврата и лжи.

Весь следующий день не мог успокоиться. Сидел в своей плотницкой каморке и возмущался.

– Ренегаты! Предатели! Готовы отказаться от всего святого, растоптать своё прошлое – лишь бы получать бабло. Как велика их ненависть к рабочему классу! Как далеки они от трудового народа!

Работы почти не было. За весь день заказали всего два гроба.

Вечером ко мне заглянул хозяин.

– Как дела? – осмотрел он каморку.

– Нормально, – отозвался я.

– Сколько заказов сегодня?

– Два.

– Всего два?

– Да.

– Плохо, плохо. Ты сделал?

– Да, вон стоят.

Хозяин похлопал по стоявшим у стены гробам. Придаться было не к чему.

– Ну ладно, – сказал он. – Рекламку надо дать. Подзабыли наверно про эту точку. Не может же быть, чтобы меньше умирали.

– Степан Валерьянович! – обратился я к нему.

– Что? – обернулся он на пороге.

– Я у вас спросить кое-что хотел...

– Оклад не повысится, мы уже говорили на эту тему.

– Да я не об этом...

– А о чём?

– Вы случайно не помните, ведущий был такой на телевидении – Сейфуль-Мулюков. «Международную Панораму» вёл, «9-ю Студию»...

– Это викторины какие-то?

– Да нет. Общественно-политические передачи.

– Нет, не помню.

– Ну, при Советской власти ещё...

– При какой власти?

Я осёкся.

– Советский Союз вы ведь не забыли?.. – добавил тихо.

Степан Валерьянович нахмурил лоб.

– Советский Союз... – произнёс он задумчиво. – Чё-то слышал. Но точно не помню.

Я был в большом недоумении. Хозяин разыгрывать меня не мог – у него отсутствовало чувство юмора.

– А к чему это тебе? – спросил он.

– Да так. Пospорил тут...

– Ну и кто выиграл?

– Пока проигрываю я.

– Ха! – хмыкнул он. – На тебя похоже.

В течение нескольких дней я осторожно расспрашивал клиентов про Советский Союз. Никто про такую страну не помнил.

Я пребывал в абсолютном отчаянии. За всю мою жизнь со мной не происходило ничего подобного. Окружающая действительность, такая близкая и понятная, вдруг ошетибилась иглами и в одночасье изменила свою сущность.

С получкой я напился.

Покачиваясь, шёл по улице. На обочине дороги сидел старик, просил милостыню.

– Отец! – подошёл я к нему. – Я тебе червонец дам, мне не жалко. Только ответь мне честно на один вопрос. Ответишь?

– Отвечу, если смогу, – прошамкал он беззубым ртом.

– Ведь ты помнишь Советский Союз, батя!? Скажи, помнишь? Ты не можешь не помнить его.

Старик нервно огляделся по сторонам.

– Тссс!!! – прижал он палец к губам. – Заткнись, дурак! Хочешь, чтоб тебя забрали?

– Забрали?! – недоумевал я. – Куда?

К нам подошли какие-то люди в кашемировых пальто.

– Вы интересовались Советским Союзом? – спросил меня один из них.

– Да! – кивнул я.

– Я его не знаю! – махал руками старик. – Первый раз вижу!

– Не пройдёте с нами? – взяли они меня за бока. – Мы многое объясним вам про Советский Союз.

По их лицам было ясно, что отказываться нельзя.

– Пожалуйста, – ответил я.

Меня посадили в стремительно подъехавший «Мерседес» и куда-то повезли. В машине одели на глаза повязку. Ехали мы довольно долго. Когда машина остановилась, меня вытащили и повели по гулким коридорам. Пахло сыростью и затхлостью.

Меня усадили на табурет и сняли повязку. Впереди, за столом сидел человек в белом халате.

– Егор Николаевич Батраков? – улыбнулся он мне.

- Он самый.
- Человек добродушно покивал.
- Значит вас беспокоит Советский Союз?
- Он меня не беспокоит, – ответил я. – Просто я его не забываю.
- Ах, не забываете!.. Это усугубляет ситуацию.
- А вы, простите, кто такой?
- Я – психиатр, – сказал человек. – Вы находитесь на медицинском освидетельствовании с целью выявления у вас психических отклонений.
- У меня нет психических отклонений.
- Это мы выясним... Скажите пожалуйста, кем вы работаете?
- Плотником.
- Хорошо зарабатываете?
- На жизнь хватает.
- Женаты?
- Нет.
- Были?
- Да.
- Почему расстались?
- Не ваше дело.
- Подруга, любовница?
- Это вас тоже не касается.
- Скажите, когда вы в последний раз были с женщиной?
- Какая вам разница!? – я начинал выходить из себя.
- Понятно, понятно... – закивал доктор.
- Какое-то время он молчал, пристально меня разглядывая.
- Эх, Егор Николаевич! – изрёк наконец. – Что ж вы так... И брат у вас уважаемый.
- А вы... Советским Союзом заболели.
- Ничем я не болею! Это вы с ума все сошли.
- Хорошо. Я объясню более популярно. В 90-х годах прошлого века психиатры нашей страны стали фиксировать крайне необычное заболевание. Оно получило название «Советский Союз». Советский Союз – это болезнь неудачников. Людей, по каким-либо причинам не добившихся в жизни того положения, которое воспринимается всеми как успешное. Советский Союз – это чудовищная иллюзия, миф о прекрасной и справедливой стране, которая якобы существовала в 20-м веке на территории России и сопредельных государств. Иногда грёзы о Советском Союзе бывают такими реальными, что люди называют имена, даты, события, будто бы имевшие место в истории.
- «Сплю, может, – думал я. – Напился и сплю».
- Однако чувствовалось, что алкоголь из меня окончательно выветрился.
- Вы хотите сказать, что я неудачник? – спросил я.
- Ну а кто же вы ещё? – усмехнулся доктор. – С женщинами не общаетесь...
- Я не говорил этого!
- Да и так всё видно! – отмахнулся он. – Работаете плотником, за мизерную зарплату.
- Кстати, что вы производите?
- Гробы.
- Вот видите! Разве может быть гробовщик удачным человеком с позитивным взглядом на жизнь?
- Я тяжело вздохнул.
- Коммерцией не занимаетесь... – продолжал врач.
- Вот ещё не хватало! – фыркнул я.

Доктор посмотрел на меня внимательнее.

– Так вы что, не читали постановление Верховной Хунты Капиталистической Стабильности о том, что неудачниками следует считать всех, кто не занимается коммерцией?

– Первый раз слышу про такое постановление, – сказал я. – И про хунту ничего не знаю.

– Э-э-э, дорогой ты мой! – откинулся доктор на спинку кресла. – Да у нас тут всё гораздо серьезнее!

Он надавил кнопку на столе, вошли люди, повязали мне глаза и увели в камеру.

– Будем вас лечить, если получится... – услышал я последние слова доктора.

Лечили меня электричеством. Пять сеансов каждый день, по два часа. Во время сеансов электронный голос объяснял мне современное политическое состояние страны.

– Вы живёте в Великой и Свободной Капиталистической России, стране позитива и успеха, – бубнил голос. – Стране улыбающихся детских лиц, стране успешных и состоятельных людей, стране света и добра. Вы должны признать, что были больны и помочь нам сделать вас современным и кредитоспособным человеком.

По ночам меня били охранники.

– Ты против позитива, мразь?! – прикладывали они сапоги к моему лицу и бокам. – Ты против того, чтобы все были успешными и богатыми?! А, ублюдок?!

Через месяц я вылез из камеры.

«Всё верно, – сидел в своей камере, улыбаясь. – Какой в жопу Советский Союз! Что за наваждение! Великая и Свободная Капиталистическая Россия – вот моя родина. Я хочу быть успешным! Я хочу быть позитивным! Я хочу быть кредитоспособным!»

Перед освобождением мне предстояла последняя процедура – Публичное Покаяние. Высокопоставленная комиссия во главе с самим Верховным Жрецом Капиталистической Стабильности должна была рассмотреть моё прошение и удовлетвориться моим Чистосердечным Унижением.

Церемония проходила под сводами Храма Успеха. Комиссия заседала за длинным столом, а Верховный Жрец – совсем ещё не старый мужчина – сидел посередине залы на троне.

– Что же ты, Егорушка, – спросил он меня ласково, – неужели не любишь Родину нашу?

– Прости, Красно Солнышко! – взмолился я о пощаде. – Бес попутал.

Верховный Жрец тяжело вздохнул.

– Такие они, бесы... Ну, встань на колени, сын мой!

Я опустил на колени.

– Отрекаешься ли ты, – зазвучал под сводами его голос, – от заблуждений, порочащих устои и порядки Великой и Свободной Капиталистической России?

– Отрекаюсь! – дрожащим голосом произнёс я.

– Признаёшь ли ты, что был болен, но излечился и готов служить обществу, вливаясь в него полноценным и кредитоспособным звеном?

– Признаю!

– Обязуешься ли ты чтить порядки добра и позитива, что главенствуют в Великой России, признавать власть Верховной Хунты Капиталистической Стабильности и лично мою – Верховного Жреца?

– Обязуюсь!

Члены комиссии удовлетворённо качали головами. Верховный Жрец тоже был доволен.

– Ты можешь идти, – сказал он мне.

Я поднялся с колен.

– А всё-таки я помню Сейфуль-Мулюкова! – бормотнул я.

Меня не слышали. В залу вводили очередного исправившегося отщепенца.

Жизнь моя теперь в общем-то стабильна. Хожу по улицам, улыбаюсь, позитивен. Лишь по ночам Фарид Сейфуль-Мулюков, словно живой, приходит ко мне во сне и рассказывает об агрессивной политике Израиля. О, что за чудные мгновения! Помню тебя, Сейфуль-Мулюков! Верю в тебя, Фарид!

Увы, просыпаясь, я вижу вокруг совсем другое.

Снова устроиться плотником не удалось. Собираю бутылки.

Сомнение

Пионерский лагерь «Солнечный» стоит на самом берегу Волги. На десятки километров вокруг простираются яблочные сады. Терпкий, душистый аромат созревающих плодов кружит голову ощущением безбрежности времени и пространства. И нет никаких сил сопротивляться этой трепетной земной силе, что так чувственна и чиста. Лишь сильнее, жарче, неистовей хочется жить, любить и созидать...

А у Володи Макарова, вожатого седьмого отряда, проблема. Ну, может и не проблема в полном смысле слова, но неприятность определённо. Стоит призадуматься и подыскать решение из небогатой пока кладовой педагогического опыта. Только бы дров не наломать. Случай деликатный. То ли гордец и циник объявился среди тринадцатилетних девчонок и мальчишек, Володиных подопечных, то ли созревающий идеологический враг.

Ситуация такая. На вчерашнем отрядном мероприятии, литературном вечере, посвящённом памяти героев гражданской войны – его подготовила и провела напарница Макарова, вожатая Лена Чиркова – один мальчишка, Серёжа Бабаев, взял и заявил, что знаменитый роман «Тихий Дон» написал вовсе не Михаил Александрович Шолохов, а какой-то белогвардейский офицер. То есть, попросту говоря, Шолохов якобы украл роман у другого человека. Белогвардейца, подумать только!

Серёжа – тихий такой, интеллигентный. Очки носит. Почти незаметен, явной дружбы ни с кем не водит. Но и не враждует. Всё больше с книжками время проводит, а не на спортивной площадке.

– Серёжка, да ошибаешься ты! – махнула на него смешливо ладошкой Лена. – Глупость ляпнул. Это кто тебе такое порассказал?

А Серёжа нахмурился вдруг, разозлился и повторил, как на допросе:

– Все нормальные люди давно это знают. Если вам приятно обманываться – то извольте. А я хочу смотреть на мир без розовых очков.

Словно он в фашистских застенках, его пытаются и склоняют к измене Родине. Ну а он не сдаётся.

– И потом, – буквально добил он Леночку, – разве кто-то здесь, кроме меня, читал полностью «Тихий Дон»?

Лена аж рот раскрыла от изумления. Тут же расстроилась, растерялась и не смогла закончить литературный вечер. Володя пришёл ей на помощь, выдал шутку на постороннюю тему, перевёл внимание на других ребят – в общем, снизил градус напряжения. Доказывать маленькому гордецу Бабаеву, что не он единственный осилил четыре тома романа, вожатый посчитал ненужным. Слишком у мальчишки глаза сверкали. Словно на бой шёл. Да и выставить себя в противовес ребёнку показалось ему делом неправильным.

Может, и зря.

– Ты видел, как он меня? – плакала потом наедине с Володей Лена. – Видел? За что он так со мной?.. Знаю, дура я, бестолочь, на третьем томе остановилась, а пересказ романа в хрестоматии прочитала, но я же никому не говорила об этом! Никому-никому... Володь, ты веришь мне? Откуда он об этом узнал?

– Да не знал он, – гладил её по плечу Макаров. Успокаивал. – Просто на слабо взял. Есть такой типаж человеческий – слабость твою чувствуют и давят на неё. Вот и он – молодой да ранний.

Лена – хорошая, ответственная комсомолка. Чистой души человек. С Володей они дружно работают. У него к ней не только товарищеское уважение, но и симпатия. Вроде бы взаимная, но до объяснений дело пока не дошло. Однако Володя чувствует – Лена смотрит на него, особенно в последние дни, как-то по-особому. С теплотой. Вечерами, на танцпло-

щадке, они уже порой танцуют вдвоём медленные танцы. Ребяшня одаривает их «понимающими» взглядами, особенно девчонки, Володя на них лишь хмурится – ему кажется, что как-то нехорошо смешивать личное и профессиональное. Вот закончится смена, разъедемся по домам, считает он, тогда уж можно и настоящие отношения завязывать. Конечно, если Лена не против.

– Вов, а почему ты ему ничего не возразил? – не унималась Чиркова. – Почему не сказал, что полностью прочёл «Тихий Дон», и вроде бы не раз, почему не поправил его в этих диких заблуждениях? Он ведь так и будет думать, что прав! Что победу одержал!

– Да присмотреться к нему надо, – ответил Макаров. – Понять, что он за человек такой. Одно дело – если просто буркнул невпопад услышанную от кого-то из взрослых глупость. Покрасоваться захотел перед девчонками – они любят таких ершистых. Это не страшно, сам забудет через пару дней о сказанном. И другое – если он находится под чьим-то влиянием. Если его детское сознание пытается на этой неправде мировоззрение сформировать. Вот тогда надо бить тревогу. Но и в этом случае действовать осмотрительно. Помнишь, какой у педагогов главный девиз?

– Не навреди! – выдохнула с облегчением Лена. Потому что увидела, поняла в очередной раз: умный, внимательный и грамотный напарник попался ей в летней педагогической практике.

В благодарность за понимание и поддержку, которые все мы так ценим, девушка порывисто прижалась к Володе и чмокнула его в щёку. Тотчас же бурное, словно газированный напиток, смущение опустилось на их лица. Макаров откашлял в кулак подступивший к горлу ком и, торопливо объяснив Лене, что пора проводить редакционный коллектив отрядной стенгазеты, который вот-вот готовился выпустить очередной номер, ретировался из комнаты.

Его немного беспокоило и даже злило, что свалившееся на голову светлое чувство любви оказалось таким сложным для анализа и контроля.

Возможность вновь соприкоснуться с внутренним миром загадочного подростка Серёжи Бабаева представилась ему уже через день. Футбольная команда седьмого отряда проводила ответственный матч на первенство пионерского лагеря с отрядом шестым. Матч тот значил чрезвычайно много для расстановки команд в турнирной таблице. В случае победы или даже ничьей седьмой сохранял хорошие шансы на попадание в тройку призёров. Рассчитывать на чемпионство, увы, уже не приходилось – на первом месте со значительным отрывом шли профессионалы из восьмого отряда, большинство которого занималось в футбольной секции местного оптико-механического завода. Секция готовила кадры в команду мастеров, выступавшую в классе «Б» союзного чемпионата.

Все Володиные попытки включить Бабаева в стартовый состав или хотя бы в запас не увенчались успехом. Серёжа наотрез отказался играть в футбол.

– Ну я же в очках, – мотивировал он причину. – В очках в футбол не играют.

– А вот и нет! – возразил вожатый. – В пятом отряде как раз-таки есть парень в очках, Игорем его звать. Играет правого крайнего и, знаешь ли, прилично. То ли три, то ли четыре – точно не помню – гола на его счету.

– Нет, спасибо, – холодно отозвался Серёжа. – Не моё это.

Пришлось отступить. А вот когда Макаров давал ребятам последнюю предматчевую установку, циничный одиночка неожиданно снова проявил себя.

– Ну что, пацаны, – воодушевлённо наставлял ребят Володя, – бьёмся как киевское «Динамо» в матче смерти, да?!

– Да! – крикнули хором юные футболисты.

И в этот момент Серёжа подал тихий, но какой-то всепроникающий и леденящий голос.

– Да не было никакого матча смерти, – буркнул он вроде бы самому себе под нос, но так, что слышно стало и окружающим. – Против немецких солдат играла команда «Старт» Киевского хлебозавода, в которой лишь несколько футболистов имели отношение к «Динамо». До так называемого матча смерти они провели чуть ли не десяток встреч с немцами. Их последующий арест с победой в том матче никак не связан. По сути, эта игра, как и все остальные, была актом коллаборационизма, из которого потом сотворили красивую легенду. Зачем – непонятно.

На мгновение Макарову показалось, что пацаны сейчас просто растерзают Бабаева. Он даже движение сделал, чтобы отгородить его от праведного гнева пионеров. Но нет, никто не шелохнулся, а некоторые и вовсе усмехнулись на Серёжины слова.

Когда судья дал стартовый свисток, Володя решил поговорить с юным скептиком и провокатором серьёзно.

– На какой волне, говоришь, «Голос Америки» ловится? – подсел он к равнодушно наблюдавшему футбольные баталии подростку.

– Разве я что-то говорил про «Голос Америки»? – холодно удивился Серёжа.

– А откуда всё это у тебя? – Макаров чувствовал, что эмоции переполняют его. – Грязь эта, выдумки нелепые, желание опошлить и очернить всё святое!? Не в журнале «Костёр» же ты это прочитал?

– Это не выдумки, – так же отстранённо и безучастно отвечал Бабаев, – это правда. И зарубежные радиостанции здесь не при чём, хотя я знаю об их существовании. Грамотный человек всегда может отделить истину от домыслов даже по публикациям в советской прессе. Просто я сопоставляю факты, анализирую, задумываюсь. В отличие от вас, привыкшего потреблять готовые лакированные завтраки.

Все ребята обращались к вожатым на «ты». Но не столько это высокомерное «вы» покорило Макарова, а тот ужасающий смысл, что содержался в этой не по годам ядовитой фразе. Впервые за всё свое недолгое соприкосновение с великой наукой педагогикой, да что там – впервые в жизни Володе захотелось ударить ребёнка. Знаменитый педагог Макаренко, почти однофамилец, признался в «Педагогической поэме», что однажды и ему пришлось залепить пощёчину своему воспитаннику. Макаренко сожалел о случившемся, но всё же делал вывод, что порой без подобных методов обойтись нельзя. Володя никак не мог согласиться с ним в этом. Если ударил равного – да, это оправдано. Если более сильного – тем более. Но если сорвался на том, кто слабее, на ребёнке – тебе не место в педагогике. Что бы там ни писал Макаренко.

Ему стало страшно от этого желания – яростного желания бить вместо возможности разговаривать и доказывать свою правоту. «Если ударю – это проигрыш, – мелькнула мысль. – Абсолютный проигрыш перед жизнью и самим собой».

Он сдержался и с изумлением несколько напряжённых секунд взирал на свою уже ослабленную, уже пристыженную, но лишь недавно бывшую сжатой, злой и непримиримой пятерню. Кажется, Серёжа почувствовал ту борьбу, что происходила с вожатым, и посматривал на него насмешливо. По крайней мере, именно насмешливость разглядел в его мимолётном взгляде Макаров.

– Ты же наш, – почти умоляюще обратился к мальчику Володя, – ты же советский! Откуда в тебе столько сомнений, столько цинизма? Почему ты работаешь на наших врагов?

Бабаев выразительно вздёрнул бровями, словно говоря: «Мама родная, и с каким же идиотом я треплюсь!» Но вслух произнёс другое, этакое изумлённо-наивное:

– На врагов? Каких врагов? Мы в центре Советского Союза, до врагов тысячи километров. Не передёргивайте, товарищ вожатый.

Тот матч седьмой отряд проиграл с сокрушительным и унижительным счётом – 0:7. Ребята возвращались в корпус понуриив головы. Особенно переживал вратарь, капитан и негласный лидер отряда Алёша Зайченко.

– Тяжело проигрывать, Серёга, – приобнял он по дороге Бабаева, с которым до этого вроде и не общался никогда. – А всему виной неправильная тактика, которую наш вожатый выбрал. Нас и ничья устраивала, а он вперёд всех погнал, тылы оголил. Вот и остались без защиты.

– Да уж, – согласился Серёжа, – сегодня стоило сыграть расчётливее.

Макаров шёл впереди, но разговор этот расслышал. Ещё одним тяжёлым укором отозвался он ему в сердце. Что-то идёт не так, понял он.

В последующие дни тревожная оценка идеологического и психологического состояния подростка Сергея Бабаева в глазах вожатых седьмого отряда только усиливалась. Как ни странно, вызывающее поведение мальчика, его демонстративная отстранённость от событий и саркастичные комментарии находили среди сверстников всё больше понимания. И в столовой он уже сидел не на отшибе и не в одиночестве, и на пляже был окружён благодарными слушателями, и на скамейке перед отрядным корпусом. Даже девочки, которых подобные «ботаники» никогда не привлекали, иной раз заворожено вслушивались в его негромкий бубнёж, сопровождавшийся угловатыми и застенчивыми телодвижениями.

– Ну вот для чего Наполеон пришёл в Россию? – доносились до Володи Макарова обрывки Серёжиных фраз.

– Захватчиком был, мир покорить хотел, – отвечал ему кто-то из ребят.

– А вот и нет! – так же сдержанно, но с явным торжеством, прячущимся где-то в обертонах, возражал Бабаев. – Наполеон был человеком прогрессивных взглядов, демократом, он не покорять Россию шёл, а освобождать её от монархической власти. Ещё неизвестно, как развивалась бы наша история, свергни он тогда династию Романовых. Может, всё пошло бы цивилизованным путём, без революций и крови.

– Да не Попов изобрёл радио, – слышались Макарову в другой раз обрывки Серёжиной проповеди, – а итальянец Маркони! Именно он построил первый работающий аппарат. Просто вот эта похвальба наша отечественная любой факт исказить готова. Впереди всей планеты быть хотим, невзирая ни на что.

Заметив поблизости Володю, Бабаев неизменно замолкал. Окружавшие его ребята смотрели на вожатого странно, неприязненно, словно он их арестовать собирался и в тюрьму упрятать. Как на врага смотрели. Потеря контакта с подопечными больно отражалась на Володином самомнении и педагогических представлениях о гармоничном коллективе, в котором наставник не надсмотрщик и судья, а старший товарищ. Порой, в тревожные минуты предсонья он даже начинал задумываться о правильности выбранного жизненного пути. О том, что, быть может, ошибся с институтом.

Не могла не беспокоиться о влиянии Серёжи Бабаева на ребят и Лена Чиркова. Она тоже замечала, что девочки – её, так сказать, сфера ответственности – делались с каждым днём всё развязнее и неуправляемее. Если раньше ей и двух минут было достаточно, чтобы вовлечь девчонок в какое-то действие, заинтересовать их и мотивировать, то сейчас всё делалось с уговорами, мольбами, а порой и обещанием наказаний. Обрывки Серёжиных разговоров доносились и до неё, причём выглядели они в её пересказе совсем уж как-то пугающе.

– Я тут подслушала ненароком беседу ребят, – делилась она с Володей. – Конечно, нехорошо подслушивать, но просто так получилось... Так вот, Бабаев что-то говорил об ошибке советской армии в 1968 году в Чехословакии.

– Что именно? – напрягся Макаров.

– Ну, что-то вроде того, что это было недемократично, что это было военное вмешательство в дела другого государства. И даже, – они понизила голос до шёпота, – прозвучала такая фраза: «растоптали свободу».

Володя лишь тяжело вздохнул.

– А ещё они что-то про Новочеркасск говорили. Ты был в этом городе, нет? И я не была. Так вот, какой-то расстрел упоминали, трупы рабочих. И опять похожая фраза – «убили свободу».

Несколько минут длилась тяжёлая пауза. Макаров напряжённо смотрел в землю, Чиркова – на него.

– Лена, – наконец произнёс Володя, – ситуация выходит из-под нашего контроля.

– Да, да, – согласилась растерянно Леночка.

– А если быть откровенным, то мы уже ей не владеем. Перед нами гораздо более серьёзный противник, чем казалось ранее.

– Значит, он не просто юный циник, а идеологический враг?

– Давай воздержимся от оценок. Мы не обладаем достаточным опытом, чтобы давать их.

– Так что же, сообщим директору пионерского лагеря? И в органы? – предположила Лена.

– Директора в известность поставим, – согласился Макаров. – Органы лучше пока не беспокоить. Есть у меня один вариант... Последний, можно сказать. Думаю, должен быть какой-то результат.

– А что за вариант?

– В общем, так... – начал Володя...

Аккуратная разноцветная беседка, с которой открывался потрясающий вид на Волгу и простиравшиеся за ней горизонты, располагалась за территорией лагеря. Тихий час Серёжа предпочитал проводить не в кровати, а именно здесь: выбирался тайком из комнаты, нырял в кустарник, а затем перемахивал через металлический забор и почти на целый час оказывался предоставлен сам себе. Эта кратковременная свобода радовала и умиротворяла его: ненавистные лагерные порядки оставались позади, суетливые взрослые со своими нелепыми и жестокими требованиями отступали на задний план, он оставался наедине со своими мыслями и рассуждениями – единственным, что по-настоящему радовало его в этой жизни. Не раз его неодолимо тянуло и вовсе рвануть вдоль Волги до самого города и никогда не возвращаться к этим пыточным условиям лагерного существования, но, представив себе реакцию матери, которую и так то и дело дёргали все кому не лень из-за непутёвого и «неправильного» сына, её огорчение и слёзы, он перебарывал в себе эти позывы.

После смерти отца-инженера, погибшего три года назад на пусконаладочных работах при строительстве гидроэлектростанции, мать осталась одна с тремя детьми. Кроме Серёжи, старшего, судьба преподнесла ей тяжёлый и ответственный труд по воспитанию и подготовки к жизни двух семилетних близняшек, девочки Наташи и мальчика Валеры. Они проводили лето в деревне у бабушки. В сентябре им в первых класс. Утопавшая в заботах мама, трудившаяся зубным врачом, хотя бы на летний период могла чуть-чуть раздышаться. «Если бы они не убили отца, – думал Серёжа, всем сердцем жалея вертящуюся как белка в колесе и чудовищно устававшую мать, – то всё было бы по-другому». В глубине души ему казалось, что с уходом папы жизнь потеряла если и не полный смысл, то большую и самую содержательную его часть.

В тот день от книги повестей и рассказов Роберта Шекли Серёжу заставили оторваться чьи-то шаги. Мальчик удивлённо вскинул голову и заметил приближавшегося к беседке седовласого, но крепкого и бодрого мужчину. Он был одет в светло-серый пиджак, на кото-

ром яркими красками горели орденские планки. Ветеран держал в руках трость, но почти не опирался на неё, хотя было заметно, что он прихрамывает. Серёжа невольно напрягся при виде постороннего – это место он считал своим собственным укромным уголком и был расстроен, что кто-то нарушил его сладкое одиночество.

– Здравствуйте! – сказал, поднимаясь по ступенькам беседки, мужчина.

Серёжа оглянулся, но никого, кроме них, здесь не было – дедушка здоровался именно с ним.

– Здравствуйте, – отозвался он, смущаясь.

– Разрешите, молодой человек, присесть рядом с вами и насладиться прекрасным видом, – попросил ветеран. – Вы заметили, как величественно и прекрасно выглядит сегодня Волга?

– Да, пожалуйста, – пробормотал Бабаев, инстинктивно отодвигаясь в сторону, хотя свободного места на скамейке оставалось предостаточно.

Мужчина присел чуть поодаль, достал из бокового кармана пиджака отглаженный, похрустывающий носовой платок и вытер выступившую на лбу испарину.

– Много читаю в последнее время, – произнёс он без всякого вступления, словно в пустоту, но явно подразумевая привлечь внимание подростка. – Благо, сейчас на пенсии и свободного времени хватает. И знаете, – он коротко взглянул на Серёжу, – увлёкся в последнее время историей империи Александра Македонского. Вы случайно не поклонник исторических исследований?

– Ну да, почитываю, – всё так же смущённо ответил Бабаев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.